

ПРАКТИКУМ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА (1889—1966)

«Поэзия Ахматовой — небольшой красивый осколок дворянской культуры. <...> Ахматова умеет сжато и энергично формулировать, выражаясь словами Гумилева, переживания „женщин влюбленных, лукавых, мечтающих и восторженных“. Если добавить к этим эпитетам еще слова — „женщин старого дворянского мира“ — характеристика будет полной. <...> Мирок Ахматовой непомерно узок. Круг эмоций, доступных поэтессе, чрезвычайно невелик».

Г. Лелевич. Анна Ахматова (беглые заметки), 1923

«Поэзия Ахматовой — это прежде всего подлинность, невыдуманность чувств, поэзия, отмеченная необычайной сосредоточенностью и взыскательностью нравственного начала. И ее, между прочим, никак нельзя назвать исключительно поэзией сердца. В целом это лирический дневник много чувствовавшего и много думавшего современника сложной и величественной эпохи, хотя бы и отраженной в этом дневнике далеко не во всей полноте и значительности».

А. Твардовский. А. А. Ахматова, 1966

«Ахматова владела искусством ощущать высоту интимного и интимность высокого. Поверяя изменчивые дни непреходящим, а недолгое человеческое существование вечным, она умела выявить значимость и весомость текущей истории — недаром некоторые даты выносятся ею прямо в название стихотворения, цикла, а то и книги. Однако важны здесь не сами по себе отсылки к календарю — важен обозначенный подобными вехами духовный опыт».

Л. Быков. «Все это нашим будет и про нас», 1987

Приведенная выше оценка поэзии Ахматовой Г. Лелевичем была весьма характерна для советской критики, не скупившейся на резкие слова в адрес будто бы уже давно отжившей свое поэтессы. Спорить с этими — чудовищно несправедливыми — суждениями сегодня уже не приходится. Стоит, однако, задуматься над секретом нестареющего обаяния этих стихов.

Задание 1

С именем Ахматовой связано прежде всего представление о любовной лирике. Вместе с тем критики, чьи слова приведены выше (и не только они), почти единодушно подчеркивают ее способность выходить в стихах к осмыслению выпавшей на ее долю эпохи.

1. Подтвердите, обратившись к лирике Ахматовой, слова Твардовского о подлинности чувств в ее поэзии.

2. Благодаря чему стихи интимного (или во всяком случае — личного) характера позволяют разглядеть черты эпохи?

3. Остановившись на одном из стихотворений Ахматовой, в название которого вынесена дата, покажите, как организуется этим образный строй произведения.

О нравственно-эстетических позициях Ахматовой

В стихах Ахматовой «...перед нами — конкретные человеческие чувства, конкретная жизнь души, которая томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит и т. д. От стихотворения к стихотворению — точно от дня к дню. Стихи эти связываются в нашем воображении воедино, порождают образ живого человека, который каждое свое новое чувство, каждое новое событие своей жизни отмечает записью. Никаких особых тем, никаких особых отделов и циклов нет — перед нами как будто сплошная автобиография, сплошной дневник. <...>

В образе ахматовской героини резко ощущаются автобиографические черты — хотя бы в том, что она часто говорит о себе как о поэтессе. Это породило в среде читателей и отчасти в критике особое отношение к поэзии Ахматовой — как к интимному дневнику, по которому можно узнать подробности личной жизни автора. Наличием сюжетных связей как бы подтверждается возможность такого отношения. Но читатели такого рода не видят, что эти автобиографические намеки, попадая в поэзию, перестают быть личными и тем дальше отстоят от реальной душевной жизни, чем ближе ее касаются. <...> Лицо поэта в поэзии — маска. Чем меньше на нем грима, тем резче ощущение контраста. Получается особый, несколько жуткий, похожий на разрушение сценической иллюзии, прием. Но для настоящего зрителя сцена этим не уничтожается, наоборот — укрепляется».

Б. Эйхенбаум. Анна Ахматова. Опыт анализа, 1923

«Поэтесса долго вела свой лирический монолог. Если он порой и переходил в диалог, то главным образом в любовной лирике. В стихах последних полутора десятилетий, в скупых, но выразительных строках поэтессы слышится прежде всего диалог. Это разговор с современниками. И — еще. Время присутствует уже не только как дата под строками. Оно входит в заголовок. В суть и плоть образов самой вещи. Если это послевоенная пора, то с недвусмысленной точностью. <...> Дело не в цифрах, не в календаре, не в дате, а в мете времени, в глубинной ее передаче, присущей нынешним стихам Анны Ахматовой».

Л. Озеров. Тайны ремесла, 1963

«Правда всегда и везде редкость. Но в том мире миража и обмана, в котором Ахматова прожила свою большую и трагическую жизнь, этот голос правды звучал и звучит как трубный глас. В эпоху, когда свыше навязывался притворный и приторный оптимизм, Ахматова говорила о том, что важнее всего человеку, — о смерти, старости, об одиночестве, об обездоленности, о вдохновении и говорила простым и мудрым языком».

В. Франк. Бег времени, 1968

Задание 2

Ахматова прожила долгую жизнь, пережив и громкую славу, и затянувшиеся на много лет гонения, и признание мирового значения ее поэзии.

1. Выделите и проанализируйте те ее стихотворения, где с особой отчетливостью обнаруживается всегда присущее поэтессе мужество, верность своему высокому предназначению.

2. Обратившись к лирике Ахматовой, охарактеризуйте ее представления о чести и достоинстве человека.

3. Какие стилевые традиции, сложившиеся в русской поэзии, подхвачены и продолжены Ахматовой?

Смуглый отрок бродил по аллеям,

У озерных грустил берегов,

И столетие мы лелеем

Еле слышный шелест шагов. Иглы сосен густо и колко

Устилают низкие пни...

Здесь лежала его треуголка

И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911, Царское Село

Имя Пушкина было для Ахматовой самым дорогим, с ним связывалось представление о том, что составляет суть поэзии, позволяя ей преодолеть время и пространство. Представление о том, что лежит в основании достоинства и силы человеческой личности, способной одержать победу в схватке с судьбой. В Пушкине искала и находила она поддержку в самое трудное для себя время, подчеркивая, что в своем творчестве «он не замыкается от мира, а идет к миру». Чувство близости к поэту мощно усиливалось для нее еще и потому, что она выросла в Царском Селе, где все освящено именем гениального поэта.

Задание 3

1. Чем создается в стихотворении ощущение переполняющего поэтессу чувства благоговения при одном лишь упоминании о «смуглом отроке»?

2. Какую роль в создании образа поэта играют детали царскосельского пейзажа?

3. Какие другие стихотворения Ахматовой, связанные с именем Пушкина, вы знаете? В чем сказывается в них воздействие на ее стихи и позицию в поэзии русского гения?

Сжала руки под темной вуалью...

«Отчего ты сегодня бледна?»

— Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь.

Искривился мучительно рот...

Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь. Я крикнула: «Шутка

Все, что было. Уйдешь, я умру».

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

8 января 1911, Киев

«Вопль любящей женщины заглушается пошлым бесчеловечием любимого; убивая, он заботится о ее здоровье: „Не стой на ветру“. Это образец того, как интимное человеческое, обычное в сущности, превращается в факт трагической поэзии.

В лице персонажа „любимого“ в стихотворении присутствует распространенный „мировой“ житель, столь часто испытующий сердце женщины своей „мужественной“ беспощадностью, сохраняя при этом вежливую рассудочность».

А. Платонов. Анна Ахматова, 1940

«Драма осталась „за кадром“, и повинна была в ней, по-видимому, героиня. Впрочем, стихотворение вовсе не о том, „кто виноват?“. Оно о более сложном и трагическом — о страшном взаимонепонимании людей, даже когда они любят... Стихотворение в двенадцать строк оказалось не только драматической сценой, но конспектом целого романа, тема которого... станет одной из ведущих тем мировой литературы второй половины двадцатого века».

А. Горловский. Песнь о любви, 1985

«У Ахматовой есть выражение: „покой нелюбви“. Слово найдено: „нелюбовь“. Каковы бы ни были взаимоотношения мужчины и женщины, воспроизводимые классикой, их основа — чувство с положительным знаком, даже если это уходящее или минувшее чувство. <...> Ахматова же фокусирует свой взгляд на любви-нелюбви, на переплетении и столкновении эмоциональных противоположностей, даже крайностей, на отсутствии подлинной, глубинной близости — при наличии интимности. Поэзия осваивает особый, ранее не изображавшийся вариант схождения-расхождения, особую разновидность поведенческой ситуации. Осваивает феномен жизнестроения XX века? Возможно, и так.

В перипетиях напряженной драмы любовь окружается сетью противоречивых названий-толкований: свет, песнь, „последняя свобода“ — и грех, бред, недуг, отравы, плен. Чувству сопутствует динамика разнородных состояний: ожидания, томления, изнеможения, окаменения, забвения. И, возвышаясь до неутолимой страсти, оно впитывает в себя другие сильные движения души (их также прежде, в пушкинские времена, именовали страстями) — обиду, ревность, отречение, измену. Содержательное богатство любви-нелюбви делает ее достойной длительного, многосоставного повествования».

И. Гурвич. Любовная лирика Ахматовой, 1997

О том, что в поэзии Ахматовой «приютились элементы новеллы или романа», писал Б. Эйхенбаум, об ориентации ахматовской лирики на русскую психологическую прозу указывал О. Мандельштам.

Задание 4

1. Проследите, как развивается лирический сюжет стихотворения, как соединяется здесь повествовательное и драматическое начало.

2. Выделите образные, стилевые средства, передающие крайнюю степень эмоциональной напряженности.

3. Что позволяет говорить о выразительной точности слова в стихе Ахматовой?

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Май 1915, Духов день,

Петербург

Родина никогда не была для Ахматовой понятием отвлеченным. Кровная связь с нею ощущалась с обостренной резкостью в самую тяжелую — для страны и ее поэта — пору. Пожалуй, впервые это было осознано с началом Первой мировой войны, когда в судьбу Ахматовой, как и в судьбу ее сограждан, вошла история.

Не случайно обращение к жанру молитвы там, где речь идет о судьбе родины.

«Молитва — просьба о невозможном: „Исцели мне душу, царь небесный, / Ледяным покоем нелюбви“. Молитвенный настрой, доходящий порой до экстаза, наделен знаковой функцией; он знаменует накал переживания, стирающего, в своей ауре, границу между „здесь“ и „там“. Атрибуты веры сближают земную, человеческую драму с легендой, притчей, и то, что поначалу кажется обыденным, получает сверхнатуральную мерку».

И. Гурвич. Художественное открытие в лирике Ахматовой, 1995

По словам поэта Н. Коржавина, стихи — в ряду которых, без сомнения, стоит и «Молитва», — позволяют говорить о возвращении Ахматовой «не только к родной земле, но и к самой себе, к своей сути», убеждая в том, что «в ней с самого начала жили и заявляли о себе те качества, творческие и человеческие, которые в трагические времена дали ей возможность стать в полном смысле этого слова народным поэтом...».

Н. Коржавин. Анна Ахматова и «серебряный век», 1987

Задание 5

1. Обратившись к тексту, покажите, сколь безмерно велика любовь поэтессы к родине.
2. Охарактеризуйте жанровые особенности стихотворения, определяемые его названием.
3. Почему «песенный дар» назван здесь «таинственным»?

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
Осень 1917

Стихотворение первоначально открывалось строками, впоследствии выброшенными по цензурным соображениям:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал...

Звучали эти строки весьма двусмысленно: слова о «гостях немецких» могли связываться не только с представлением об иноземном нашествии, но и о возвращении в Россию в запломбированном немцами вагоне большевиков — при таком прочтении самоубийством для народа оказывалась революция. Но как бы то ни было, России Ахматова осталась верна. По свидетельству К. Чуковского, это стихотворение высоко ценил Блок, сказавший: «Ахматова права. Это недостойная речь. Бежать от русской революции — позор».

«В стихотворении „Мне голос был. Он звал утешно...“ Ахматова по существу (и впервые) выступила как страстный гражданский поэт яркого патриотического звучания. Строгая, приподнятая, библейская форма стихотворения, заставляющая вспомнить пророков-

проповедников, и самый жест изгоняющего из храма, — жест этот почти зрительно создается интонацией стиха, — все в данном случае удивительно соразмерно своей величественной и суровой эпохе, начинавшей новое летоисчисление».

А. Павловский. Анна Ахматова, 1966

Задание 6

- 1 Как характеризуется в стихотворении революционная Россия?
2. Выделите слова (образы, эпитеты), позволяющие судить о нравственной позиции автора.
3. Что вы можете сказать о тональности стихотворения? Какими художественными средствами она создается?
4. В критической литературе жанр этого стихотворения определяется как инвектива, т. е. произведение по своему характеру резко обличительное. Сможете ли вы, обратившись к тексту, подтвердить или опровергнуть это мнение?

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,

Жизнь, кажется, висит на волоске.

Что почести, что юность, что свобода

Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,

Внимательно взглянула на меня.

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала

Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

«Излюбленная мысль Ахматовой о долговечности человеческого слова, об удивительной нетленности духовной культуры, воплощенной в искусстве, находила многократные подтверждения. Вновь и вновь возникало и утверждалось в ее собственном творчестве чувство родственности всей предшествующей многоязычной культуре. Возвышенность слога, о которой неоднократно упоминали многие, писавшие об Ахматовой, проистекает в значительной степени и от постоянного ощущения ею обязывающего сходства с великими художниками всех эпох и наций».

А. Павловский. Анна Ахматова, 1966

«...Муза Ахматовой всегда остается для нее явлением таинственным, надмирным или из другого мира к ней приходящим („А в небе заря стояла, / Как ворота в ее страну“). Это явление творческой благодати, воплощенное в пленительно-прекрасный женский облик, в женскую жизнетворящую ипостась (мировая поэзия знает и другую, мужскую ипостась творческого духа; она была знакома, например, Марине Цветаевой, — Ахматовой она совершенно чужда). Она

знает свою Музу в лицо, узнает ее в любом преображении, даже в самом обманчивом, даже, с годами, в искаженном. Муза к ней прилетает, откуда-то „слетает утешать“ по ночам, а может и просто прийти, остаться, чтобы тут же ее и покинуть, чтобы потом возвратиться вновь, только иногда после долгих лет напрасного ожидания. У нее свой „нрав“, поначалу даже неожиданно веселый („Веселой Музы нрав не узнаю...“), но чаще печальный; потом она надолго станет Музой Плача. С ней можно вступать в разговор, можно ее о чем-то спрашивать, в чем-то ей клясться, о чем-то молить. А она отвечает, что-то мудро угадывает, от чего-то предостерегает, смеется, лукавит, пророчит — или молчит, и это самое страшное для поэта. Ведь это Муза награждает его высшим даром — „пречистым словом“, „священным глаголом“. Но она может однажды подсказать свое слово голосом „еле слышным“, отнять „блаженство повторенья“, обречь на немоту, от которой освобождение приходит не скоро. Большого несчастья для поэта нет и быть не может, потому что этот божественный дар предназначен ему не для себя, он подлежит расточению, неизбежно страдальческому и блаженному раздариванию другим. В этом для Ахматовой всегда был смысл и дух творчества, какой бы отклик оно ни встречало».

В. Виленкин. В сто первом зеркале, 1987

Среди стихов о труде — не ремесле! — поэта торжественное и патетическое стихотворение «Муза» занимает особое место. «Полное самозабвение. Напряженность внимания и слуха. Отказ от всех благ ради бедной дудочки склонившейся над поэтом Музы. Абсолютная покорность ее воле. Жуткий вопрос, который трудно произнести. Пафос этого стихотворения вполне можно назвать одическим. И не только этого. „Данте“ (1936), знаменитое „Мужество“ (1942) и многие стихотворения военных лет написаны именно в одическом ключе. И возникли они не случайно, а из глубокой потребности духа, продиктованы высокими гражданскими чувствами. В них больше, чем где бы то ни было, мы ощущаем волю художника, его непреклонность, подобные тем, которые описаны в стихотворении „Данте“».

А. Урбан. А. Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...», 1973

Задание 7

1. Какие черты своей Музы выделяет Ахматова?
2. Охарактеризуйте отношение поэтессы к своей «милый гостье».
3. Почему при встрече с Музой возникает мысль о «страницах Ада», представляющего собой одну из частей поэмы Данте «Божественная комедия»?
4. Сравните Музу Ахматовой с пушкинской Музой.

Творчество

Бывает так: какая-то истома;

В ушах не умолкает бой часов;

Вдали раскат стихающего грома.

Неузнанных и пленных голосов

Мне чудятся и жалобы и стоны,

Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936

О том, как рождаются стихи, Ахматова рассказала в цикле «Тайны ремесла», который открывается стихотворением «Творчество». Примечательно соединение этих двух слов, совмещение сокровенного и обыденного — одно из них буквально неотделимо от другого, когда речь заходит о творчестве. Оно у Ахматовой — явление того же ряда, что и жизнь, и процесс его идет по воле тех сил, что диктуют ход жизни. Стих возникает, как «раскат стихающего грома», как звук, побеждающий в «бездне шепотов и звонов». И задача поэта — уловить его, расслышать идущие, прорывающиеся откуда-то «слова и легких рифм сигнальные звоночки».

А. Найман, взявший на себя в последние годы жизни поэтессы обязанности ее литературного секретаря, вспоминал, что она не писала стихи, а записывала уже сложившиеся в голове строки. «Когда она „слагала стихи“, этот процесс не прерывался ни на минуту: вдруг во время очередной реплики собеседника за чтением книги, за письмом, за едой она почти в полный голос пропевала — проборматовывала — „жужжала“ — неразборчивые гласные и согласные приближающихся строк, уже нашедших ритм. Это гудение представлялось звуковым и потому всеми слышимым выражением не воспринимаемого обычным слухом постоянного гула поэзии. Или, если угодно, первичным превращением хаоса в поэтический космос».

А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой, 1989

Среди дневниковых записей Ахматовой сохранилась и такая, относящаяся к 1959 году: «Х. спросил меня, трудно или легко писать стихи. Я ответила: их или кто-то диктует, и тогда — совсем легко, а когда не диктует — просто невозможно». Тогда же, 24 декабря 1959 года, на одном из «листочков из дневника» было написано: „...стихи идут все время, я, как всегда, их гоню, пока не услышу настоящую строку“».

«Как будто все ясно и действительно „просто“: если кто-то „диктует“, то одолевать уже ничего не приходится, надо только уметь дожидаться этой божественной диктовки и расслышать „настоящую строку“. И ведь написано это в 1936 году, после мучительно затянувшегося периода

почти непрерывной, необъяснимой даже для самого поэта „немоты“, в момент наконец наступившего нового творческого подъема. <...> Тем естественнее нам поверить этому автопризнанию безусловно. Да и от самих стихов Анны Ахматовой разве не возникает у читателя почти на каждом шагу ощущение спонтанности, какой-то первозданной цельности и крылатой легкости поэтического открытия?»

В. Виленкин. В сто первом зеркале, 1987

«Рождение стиха — это постижение тайны. Это умение среди неумолчного шума, в глухой, не высказавшей себя жизни услышать звук, который заставляет утихнуть все другие, стирает помехи, ведет к открытию сокровенного: „Так вокруг него непоправимо тихо, / Что слышно, как в лесу растет трава, / Как по земле идет с котомкой лихо...“ И тут уже господствует не случай, не находка „некстати“, оживляющая стих, а творческое внимание, сосредоточенность, нащупывающая границу перехода от случайного гула и шума к пониманию („Тогда я начинаю понимать...“).

Но в конце концов — и это здесь важно подчеркнуть — стих рождается легко и свободно, как бы помимо воли автора, который, отдав все душевные силы эмоциональному анализу впечатлений, уже как бы не распоряжается итогом: „И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь“. В воспринятом, отфильтрованном и обдуманном материале поэт уже не властен. Не стих накладывает на него свою форму, напротив, материал жизни диктует теперь стих».

А. Урбан. А. Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...», 1973

Задание 8

1. Как воссоздается в стихотворении процесс поэтического творчества?
2. Стихотворением «Творчество» открывается цикл «Тайны ремесла». Что позволяет Ахматовой объединить эти, казалось бы, столь разные по смыслу слова?
3. С чем сравнивается процесс рождения поэтических строк?
4. Благодаря чему возникает здесь ощущение величавой торжественности стихотворной речи?

Приморский сонет

Здесь все меня переживает,

Все, даже ветхие скворешни

И этот воздух, воздух вешний,

Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет

С неодолимостью нездешней,

И над цветущею черешней

Сиянье легкий месяц льет. И кажется такой нетрудной,

Белея в чаще изумрудной,

Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,

И все похоже на аллею

У царскосельского пруда.

Июнь 1958,

Комарово

«Все мы немного у жизни в гостях, / Жить — это только привычка», — сказано Ахматовой. И эта привычка с годами не ослабевала, а все обострявшееся ощущение скоротечности жизни вызывало не только печаль, но и чувство радостного изумления перед ее [жизни] нестареющей красотой. Так появляется «Приморский сонет», где открывается высокий смысл обычного, ощущение вечности возникает на удивление естественно — простым сравнением сроков, отпущенных человеку и такому, в общем, недолговечному предмету, как «ветхая скворешня».

«За чувством, породившим стихотворение, стоит многое: опыт размышлений, заблуждений и открытий незаурядного человека, — но в стихотворении об этом ничего не говорится. Только чувствуется. Остается в подтексте, но подтексте без кавычек, ибо тут и речи нет об искусственном умолчании. О том, о чем говорится, говорится все. А о себе как раз почти ничего. Разве что — „Здесь все меня переживет...“. Но интонационное ударение здесь стоит на другом слове — на „все“. И чтоб не было сомнений — „Все, даже ветхие скворешни“. Вот вроде бы до чего дошло: меня — ветхая скворешня. Но в стихотворении нет и тени обиды или возмущения тем, что это так. Есть только любовь ко всему, что „меня переживет“, и щемящая боль от необходимости с этим расстаться. Все подготавливает высокое и трагическое смирение завершающих шести строк, содержащих тайную надежду увидеть в будущей жизни улучшенное продолжение всего того, что здесь „меня переживет“. Конечно, смирение последних строк окрашено естественным и привычным религиозным чувством. Но Ахматова — поэт, а не проповедник. И это напряженное драматическое смирение, конечно же, ближе Ахматовой, чем все соблазны „серебряного века“. Одно слово „кажется“ чего стоит. Стихотворение знает, что дорога „не скажу куда“ только кажется нетрудной. От этого оно такое щемящее, но и острота смирения — тоже от этого».

Н. Коржавин. Анна Ахматова и «серебряный век», 1989

В поздних стихах Ахматовой, «неизменно подернутых каким-то плотным мраком, рассеяно множество вроде бы мимолетных признаний о „тайном знанье“, о „последнем часе“, о „последнем слое сна“, о незримом потоке небытия, о „бездонных пропастях сознания“, о том, что мир, при всем его мраке, видится ей странно прозрачным, так что и сама тьма — прозрачна и потому как бы светла... Такие признания у нее слишком многочисленны и даже по-своему категоричны, чтобы быть случайными. Они, эти признания, создают в своей совокупности особую музыку позднего ахматовского стиха, а кроме того, они так тщательно отграничены и так неукоснительно сформулированы, что действительно похожи на знаки некоего последнего знания о мире, дарованного ей на краю жизни».

А. Павловский. Анна Ахматова. Жизнь и творчество, 1991

Задание 9

1. Как решается центральная в стихотворении тема смерти?
2. Какие образные детали позволяют ощутить как светлую дорогу «не скажу куда»?
3. Как соединяется здесь мысль о бренности и вечности?

4. Сопоставьте стихотворение Ахматовой с пушкинским «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». В чем обнаруживается близость поэтов при обращении к теме жизни и смерти? Чем отличаются предлагаемые каждым из них решения темы, полностью ли совпадает их отношение к неизбежности расставания с миром?

«Реквием» (1940)

Волна сталинских репрессий настигла Ахматову в 1935 году: был арестован ее единственный сын Лев Николаевич Гумилев. Вскоре освобожденный, он еще дважды подвергался аресту, тюремному заключению и ссылке. Переживаемую ею трагедию Ахматова разделяла со своим народом. И это не метафора: много часов провела она в страшной очереди, что вытягивалась вдоль мрачных стен старой петербургской тюрьмы «Кресты». И когда одна из стоящих рядом с нею едва слышно спросила: «А это вы можете описать?», Ахматова ответила: «Могу». Так рождались стихотворения, вместе составившие «Реквием» — поэму, которая стала данью скорбной памяти о всех невинно загубленных в годы сталинского произвола.

Завершенная в предвоенном 1940 году, поэма Ахматовой была опубликована много лет спустя после смерти ее автора — в 1987 году. И прочитывается она как заключительное обвинение по делу о страшных злодеяниях кровавой эпохи.

Спустя два десятилетия после завершения поэмы, в 1961 году, ей был предпослан эпиграф, в котором позиция Ахматовой в жизни и в поэзии получила итоговую — поразительную по суровой строгости и выразительному лаконизму — характеристику:

Нет! И не под чуждым небосводом,

И не под защитой чуждых крыл, —

Я была тогда с моим народом,

Там, где мой народ, к несчастью, был.

Задание 10

1. В эпиграфе слова «чуждый» и «мой народ» повторяются. В чем смысл усиливаемого таким повтором противопоставления?

2. В поэме черты обобщенного человеческого портрета становятся чертами облика эпохи. Подтвердите это, обратившись, например, к эпилогу.

3. Выделите в главе пятой строки, позволяющие ощутить, как размывается грань между реальностью и кошмаром. Есть ли в поэме еще примеры тому?

4. От главы к главе тональность поэта резко изменяется. Чем она определяется в каждом конкретном случае — например, в главах 5, 8, 10 и эпилоге? Какие лексические, образные, ритмико-интонационные средства передают всякий раз новое звучание?

В поэме Ахматовой с огромной силой выражено горе, заставляющее усомниться в возможности (и необходимости) собственного существования, поразительная достоверность деталей соединяется с масштабностью изображения заливаемого болью мира, и происходящее уже оказывается как бы за гранью реального.

Задание 11

1. Собственная трагедия переживается автором как трагедия народа. Подтвердите это, обратившись к тексту поэмы.

2. Выделите строки, позволяющие ощутить нестерпимый ужас происходящего.

«Собственно говоря, „Реквием“ — это советская поэзия, осуществленная в том идеальном виде, какой описывают все декларации ее. Герой ее поэзии — народ. Не называемое так из политических, национальных и других идейных интересов большее или меньшее множество людей, а весь народ: все до единого участвуют на той или другой стороне в происходящем. Эта поэзия говорит от имени народа, поэт — вместе с ним, его часть. Ее язык почти газетно прост, понятен народу, ее приемы лобовые: „...для них соткала я широкий покров из бедных, у них же подслушанных слов“. И эта поэзия полна любви к народу.

Отличает и тем самым противопоставляет ее даже идеальной советской поэзии то, что она личная, столь же глубоко личная, что и „Сжала руки под темной вуалью...“. От реальной советской поэзии ее отличает, разумеется, и многое другое: во-первых, исходная и уравнивающая трагедию христианская религиозность, потом — антигероичность, потом — не ставящая себе ограничений искренность, название запретных вещей их именами».

А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой, 1989

«Но дело все в том, что „Реквием“ все-таки звучит одним голосом. Ахматова написала вещь не историософскую, но гражданскую. Автор ее говорил, нарушая молчание эпохи, оклика себя и откликаясь себе. „Стомиллионный народ“ был всего лишь лирической метафорой. Кричал не народ — но автор. Народ же „безмолвствовал“, и потому в „Реквиеме“ говорил не „хор“, „голос из хора“, причем „хора“ немолвствующего. И это было еще одним дополнительным источником трагизма, переживаемого Ахматовой».

В. Мусатов. «Я еще пожелезней тех...», 1992

Задание 12

1. Как соотносятся в поэме голос автора и голос народа? Выделите строки, свидетельствующие о том, что переживаемое автором горе воспринимается как всенародное.

2. Один из основных мотивов поэмы — ужас памяти и горечь забвения, другой — немыслимость жизни и невозможность смерти. Проследите, как развиваются эти мотивы, в чем, пересекаясь, они находят разрешение.

3. Голос страдающей героини поэмы усиливается здесь «стомильонным» эхом. Найдите в поэме отзвуки этого голоса, повторы, которыми он подхватывается.

4. В главах 7—10 повторяются мотивы, намеченные в начальных фрагментах: приговор, призывание смерти, распятие. В чем смысл такого «дублирования»?

«Как и диктуют законы жанра, поминальный звон неуклонно выводил Ахматову к мотиву распятия, евангельской жертвы, креста. <...>

Но, сохранив сюжетную канву классического реквиема „моцартианского“ типа, его мелодику и пафосный строй, Ахматова при этом изначально поменяла местами центр и периферию трагической темы. Образы отстрадавших, отмучившихся, испивших горькую чашу сыновей „стомильонного народа“ идут фоном, а все внимание сосредоточено на лице Матери, ее „околокрестной“ муке, ее невыносимой, необъяснимой, никакими рациональными способами не постигаемой стойкости: „Нет, это не я, а кто-то другой страдает. Я бы так не могла...“

„Молча Мать стояла“. Молчание равно далекое и от рыданий Магдалины, и от окаменелости ученика, которое одновременно исполнено и слезного порыва, и недвижимого, сурового мужества громогласное молчание, молчание Матери — вот контрапункт „Реквиема“, вот точка притяжения всех его трагических партий. Они замирают, взаимно погашаясь в нем, и дальше звучит тишина. <...> Волна величественного покоя, исходящая от вершинных, итоговых строк поэмы, — это не признак наступившей гармонии — безмятежность после пережитого невозможна; это не свидетельство успокоения боли — такое не отболит; это переход человека в качественно иное состояние, когда ужас происшедшего утрачивает власть над его душой, но след муки, грозный отблеск ее, навсегда остается с ним, как неотъемлемая часть его опыта, без которой он смотрелся бы нами, пожалуй, куда веселее, но утратил бы многое, слишком многое непоправимо».

А. Архангельский. Час мужества, 1988